

Штрихи к портрету Гумера Баширова

возвышающему человека искусству чтения переходила из рук в руки. Каждую неделю в определенные дни наше семейство усаживалось вечером на саие, мой старший брат, учившийся в медресе, открывал книгу и... Здесь начиналось настоящее священнодействие. Перед глазами пронеслись неведомые картины жизни, оживали обычаи далекой эпохи, выдвинулись улыбки девушек, слышался плач стариков. Чтение рассказов об Авиценне переходило в упоительную сказочность «Тысячи и одной ночи», а там, глядишь, оживали герои древнейшей книги Кул Гали «Юсуф и Зулейха».

КОЛЫБЕЛЬ ЖИЗНИ

Чем же в общих чертах характерна татарская литература? Как отразились ее традиции в творчестве Гумера Баширова?

Один из первых критиков татарского прозаика Виктор Панков, говоря о романе «Честь», проницательно выделил «лиризм авторской речи, органическое включение в текст хороших народных песен, тонкое проникновение в психологию героев...». Рецензент невольно определил и самые главные черты новейшей татарской литературы. Именно лирическая основа письма в соединении с фольклорными реминисценциями и углубленным психологизмом образов отличает творчество татарских поэтов Габдуллы Тукая и Мажида Гафури, Сибгата Хакима и Хасана Туфана, прозаиков Амирхана Еники и Гарифа Ахунова.

С первых же публикаций в начале 30-х годов Гумер Баширов выработал устойчивую манеру своего письма, заключающуюся в несколько романтическом взгляде на события, в использовании народных песен, пословиц, поговорок, которыми щедро «пересыпаны» страницы его повестей, рассказов и романов, в стремлении увидеть в незначительном на первый взгляд факте даль своей и народной судьбы. Гумеру Баширову, думается, будут близки слова его младшего бакирского товарища по судьбе и по литературе — Мустая Карима: «Много я за мои годы перевидал и немало позабыл. А вот дороги, по которым я прошел или проехал, помню почти все. Потому что в них что-то случилось, о чем-то думалось».

Толчком к написанию этапно-го в творчестве Баширова романа «Честь» послужил также важный эпизод. Шел второй год Великой Отечественной войны. Бои велись на Волге, у Сталинграда. Возвращаясь с очередного журналистского задания, Гумер Баширов познакомился с пожилой женщиной-крестьянкой, с которой ему было по дороге. Та рассказывала нехитрые истории из жизни татарского села, где она жила, как вдруг расплакалась, вспомнив о большом несчастье, всколыхнувшем всю окрестность. Одна молодая женщина их деревни получила похоронку на мужа. Родители мужа не хотели с ней расстаться и по старому обычаю уговорили выйти замуж за их младшего сына. Но вдруг вернулся первый муж, и молодая женщина, не в силах вынести такого, как она считала, позора, покончила с собой.

Народная драма, завладевшая с той поры писателем, в процессе работы над романом «Честь» несколько трансформировалась. На первое место вышли не личные переживания Нэфиса, а широкий показ героики работы

тыла Советской страны, битвы за хлеб в трудный 1942 год. Упростил или расширил звучания первоначального замысла Гумер Баширов? Этот вопрос невольно возникает, когда впервые читаешь «подоснову» романа. Писатель оставил лишь начало рассказанной ему истории, а именно — типичную судьбу татарской женщины, потерявшей на войне мужа и отдающей все силы на работе в тылу. «...Я понял, что сейчас не время писать о бытовой драме, пусть даже вызванной войной», — признался сам автор романа. От этого роман с точки зрения современного дня кое-что приобрел, но кое-что и потерял. В конце 40-х годов, когда появилась новая книга Гумера Баширова, личное начало действительно отступало во многих произведениях как бы на второй план, открывая место народному героизму, эпическому, панорамному охвату событий.

Первое крупное произведение татарского писателя — повесть «Сиваш» (1937) — посвящено событиям гражданской войны, в которых молодой автор был не очевидцем, а участником. Повесть рассказывает не об отдельных боевых эпизодах, а показывает изменение психологии бывших деревенских парней, одетых в красноармейские шинели. Причем автор умело и достаточно правдиво описывает, как зарождались — в огне, в крови народной войны — сплав советских народов, их нерушимая дружба.

Окидывая сейчас почти полувековую работу Гумера Баширова в советской литературе, нельзя не сделать предварительных выводов. На один из них, пожалуй, один из главных, обратит внимание сам писатель в своей биографии: «Мне приходилось оглядываться назад, чтобы увидеть те революционные традиции и условия, которые породили моих героев, заглядывать вперед, чтобы раскрыть в людях благородные, светлые, возвышенные качества».

Действительно, разве не поучительна судьба татарки Нэфиса, героини романа «Честь»? До революции трудно было представить, что у женщины мусульманки найдется столько сил и энергии, такого благородного самопожертвования во имя идеалов не только своего народа, но и всей страны Гумер Баширов показывает нелегкий процесс социального взросления своих героев. Такова внутренняя тема повести «Сиваш», такой внутренний смысл имеет и роман «Честь».

Было бы неправильным умолчать о большой научной работе Гумера Баширова. Когда мы писали о том, что прозаик любит использовать в своих произве-

дениях фольклор, то следовало бы сказать, что народным творчеством Баширов занимается всерьез и по-научному основательно. О том говорит список подготовленных им к печати книг по татарскому фольклору: «Народные песни» (1939), «Народные сказки» (1940), «Татарское народное творчество» (1951), «Фольклор Отечественной войны» (1946) и многие другие издания.

Роль национального писателя в 30-е годы в советских литературах воспринималась зачастую как труд собирателя всего лучшего, что оставила память народа, его устно-поэтическое творчество. Прозаики и поэты в те годы выпускали не только оригинальные книги стихов и прозы, но и научные издания сказок, легенд и преданий, собирали и обрабатывали эпосы и героические сказания. Они же прокладывали и неведомые еще в родных литературах жанровые пути — писали первые романы, пьесы, рассказы.

Гумер Баширов именно из такой плеяды выдающихся ученых-собираателей, писателей-первопроходцев. В этом он близок творческой деятельности дагестанца Эфенди Калиева, алтайского поэта и фольклориста Павла Кучика, якутского автора Платона Ойунского.

И здесь нам видится некий целенаправленный путь Баширова-художника. Повесть «Родимый край — зеленая моя колыбель» создавалась им как прощальное слово тем временам, которые давно отошли в историю. Не только мрачными видятся нам писатель-современник. Нет, были и там, в глухих татарских районах, поэтические обычаи (какой нежность, переплетением фольклорного бытия и повседневной жизни проникнуто повествование «У нас гостят девушки», входящее в автобиографическую повесть), искренние, мужественные люди, заступники за свой народ.

«А духовное богатство народа? — восклицает Гумер Баширов, заканчивая эту книгу. — Передается ли из поколения в поколение, оставляет ли свои следы бесценное это сокровище, что с малолетства впитывается в кровь острым и мудрым словом, певучей песней и задорной плясовой, оком, запахнутой на все прекрасное, и добрым обычаем, извечным поиском истины и тягой к справедливости, всем, что делает человека Человеком?»

Вопрос этот звучит явно риторически.

Отдав поклон своему детству, основам духовного бытия своего народа, писатель по той же понятной нам закономерности должен обратиться к миру родной природы, к воспеванию ее негленной красоты. «Источник ли она богатства или потребительского отношения людей?» — задается он новым вопросом. И здесь уже вырисовывается основная проблематика его нового, незаконченного пока романа — проблемы экологии, впрямую связанные с современным днем Татарии, экономически развитой республики России.

Так, на острие злободневности продолжает работать Гумер Баширов. И хотя за полвека его литературной деятельности им создано не так уж и много книг, но каждая его публикация имеет веское под собой основание, остается надолго в активе советской многонациональной литературы.

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ

В ОДНОМ из романов известного татарского прозаика лауреата Государственной премии СССР Гумера Баширова есть такие слова: «Уж так повелось истари — деревенский мальчонка, едва выбравшись из колыбели, ступает одной ногой на пол, другой — на борозду». Автор вспомнил здесь свое сельское детство, мальчишеские годы своих сверстников, и эти воспоминания, давние наблюдения отлились у него под пером в удивительно емкую формулу начала жизни всякого деревенского человека, от рождения связанного с бороздой, с землей-кормилицей.

Первые шаги Гумер Баширов сделал восемьдесят лет назад в лесной татарской деревушке Янасала. Срок жизни немалый. На глазах писателя прошли великие события в жизни страны — и почти во всех них, в главнейших, он принимал активное участие.

Гражданская война. Гумер Баширов сражается в рядах прославленной Инзенской дивизии против Врангеля, банд Махно. В ее рядах, кстати, воевал и молодой Леонид Леонов, о чем он до сих пор с гордостью вспоминает.

Годы перестройки деревни. Гумер Баширов в первых рядах тех, кто вершит коллективизацию татарской деревни, борется с кулачеством. Впечатления этих лет легли в основу его первых рассказов.

Великая Отечественная война. Работа в татарской газете «За Родину», близкое знакомство с напряженным и тяжелейшим трудом в тылу. Позднее, уже после войны, он напишет один из лучших своих романов — «Честь», рассказывающий о тех, для кого фронт проходил по колхозным полям, в борьбе за хлеб военного урожая.

И, наконец, в последней по времени крупной публикации, в автобиографической повести «Родимый край — зеленая моя колыбель», Гумер Баширов, как бы подытоживая свою жизнь, обращается к своим детским годам, в которых он видит основу своего литературного мировосприятия и которые заложили в нем любовь к природе, отеческое и вместе с тем сыновнее чувство к родным просторам, к людям, их населяющим.

Жанр автобиографической повести в современной советской литературе сегодня переживает свое второе рождение. Достаточно назвать «Долгое-долгое детство» Мустая Карима, прозаические рассказы Леонида Мартынова «Воздушные фрегаты», «Последний поклон» Виктора Астафьева... Не столь важно, что в каждом отдельном случае авторы по-своему определяют жанр своих произведений. Главное — то общее, что их роднит, а именно — возвращение «памятью сердца» (К. Батюшков) к своим детским годам, к тому времени, когда вся дальнейшая жизнь кажется огромной и нескончаемой.

На страницах повести «Родимый край — зеленая моя колыбель» читатели встретились с многими персонажами, прообразами которых стали земляки писателя, его родители, его дружная семья. Здесь и брат Гумера Баширова, его мать и отец, сосед по двору, старики и молодые, учителя и сверстники. В одной из первых глав повести автор рассказывает о высокой культуре, которая, несмотря на беспросветную, почти нищенскую жизнь, царила в семье Башировых.

«Мои первые детские впечатления связаны с книгой, — делится своим воспоминанием писатель. — Как кровь рода передается из поколения в поколение, так и у нас в семье любовь к высокому и вечному».